

На правах рукописи

Углова Евгения Анатольевна

**ЭКОЦИД: УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ И
КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА**

Научная специальность

5.1.4. Уголовно-правовые науки (юридические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

**диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук**

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре публичного права и уголовно-правовых дисциплин автономной некоммерческой организации высшего образования «Российский новый университет».

Научный руководитель **Кучин Олег Стасьевич**
доктор юридических наук, профессор,
Почетный работник сферы образования
Российской Федерации.

Официальные оппоненты: **Кибальник Алексей Григорьевич**
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и
оперативно-розыскной деятельности органов
внутренних дел Ставропольского филиала
ГКОУ ВО «Краснодарский университет
Министерства внутренних дел Российской
Федерации».

Тимошенко Юлия Александровна
доктор юридических наук, доцент, профессор
кафедры уголовного права ФГАОУ ВО
«Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)».

Ведущая организация: **Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего
образования «Кубанский государственный
университет».**

Защита состоится 16 декабря 2026 года в 15:00 на заседании диссертационного совета 75.2.016.02, созданного на базе Автономной некоммерческой организации «Российский новый университет» по адресу: 105005, Россия, г. Москва, ул. Радио, д. 22, в зале заседаний диссертационного совета, аудитория 529.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке АНО ВО «Российский новый университет» и на официальном сайте (<https://ds.rosnou.ru>).

Автореферат разослан «___» ноября 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета 75.2.016.02,
кандидат юридических наук, доцент

А.Р. Корнилов

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в XX–XXI веках человечество столкнулось с беспрецедентными по своим масштабам и последствиям экологическими угрозами. Антропогенное изменение климата, стремительная утрата биоразнообразия, загрязнение окружающей среды и кризис истощения ресурсов ставят под угрозу не только благополучие, но и само существование человечества как биологического вида.

Президент Российской Федерации В.В. Путин охарактеризовал подобное потребительское отношение к природе как тупиковое и крайне опасное, подчеркнув недопустимость логики «после нас – хоть потоп».

Эта логика приобретает особенно угрожающий масштаб в сочетании с трансграничным характером экологических проблем, которые, как подчеркнула Председатель Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации В.И. Матвиенко, касаются каждого континента, каждой страны и каждого человека. Наиболее ярким проявлением такого сочетания потребительского, тупикового подхода и трансграничного характера экологических угроз выступает экоцид — массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также иные действия, способные вызвать экологическую катастрофу.

В международном праве предпринимаются попытки усилить уголовно-правовую охрану окружающей среды от наиболее опасных посягательств. В 2024 году была принята Директива (ЕС) 2024/1203, вводящая понятие «действий, сопоставимых с экоцидом», однако сфера ее применения ограничена государствами – членами Европейского союза, а эффективность реализации зависит от имплементации в национальные законодательства, при том что в большинстве стран этот процесс еще не завершен. В декабре 2025 года Советом Европы открыта для подписания новая Конвенция о защите окружающей среды посредством уголовного права, однако число подписавших её государств остаётся незначительным, а перспективы вступления в силу – неопределёнными. Офис Прокурора Международного уголовного суда представил Политику по противодействию ущербу окружающей среде в рамках Римского статута, при этом крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Статута, что делает практическую реализацию данной Политики маловероятной.

Можно констатировать, что международно-правовой механизм противодействия экоциду и сопоставимым с ним действиям находится на

начальном этапе формирования и не может рассматриваться как эффективно действующий. В таких условиях особое значение приобретает совершенствование национального законодательства об ответственности за экоцид.

В России норма об ответственности за экоцид впервые была установлена ст. 358 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) 1996 года. За прошедшие три десятилетия уголовные дела по ней возбуждались лишь дважды (в 2001 г. на Камчатке и в 2021 г. по факту водной блокады Крыма), при этом ни одно из них не завершилось обвинительным приговором.

Отсутствие практики, вполне объяснимое спецификой экоцида как криминального феномена, не снимает вопроса качества самой правовой нормы. Несовершенство законодательной конструкции ст. 358 УК РФ проявляет себя в оценочном характере ключевых понятий («массовое уничтожение», «экологическая катастрофа», «иные действия»), некорректности термина «отравление» применительно к неживой природе, неопределённости вопроса о субъекте экоцида, коллизии между определением прямого умысла и конструкцией формального состава преступления, отсутствии дифференциации ответственности за экоцид и т.д.

Необходимость преодоления этих недостатков, а также выявления пробелов и коллизий в законодательной регламентации признаков экоцида, стимулирует научную разработку теоретических основ противодействия этому преступлению в интересах надлежащей охраны природной среды и обеспечения справедливой ответственности виновных лиц.

Очевидно, что решение этой задачи может быть мыслимо исключительно как результат комплексного осмысления темы, включающего обращение не только собственно к догматическо-правовым (международным и национальным), но и к социально-криминологическим аспектам темы. Последнее особенно важно, учитывая, что отечественная наука до настоящего времени практически не уделяла внимания криминологии экоцида, хотя и признает криминологическую и социальную обусловленность уголовного закона важнейшим условием его эффективности.

Степень научной разработанности темы. Проблемы экоцида составляют важный элемент академического дискурса в российской и зарубежной правовой науке.

Его особенность состоит в том, что проблемы противодействия экоциду разрабатываются, с одной стороны, как самостоятельный предмет теоретико-правовых (Д.Ф. Васин), международно-правовых (О.И. Макаров) и

уголовно-правовых (О.Ю. Греченкова) исследований, с другой стороны, как часть учения об экологических преступлениях (Е.В. Виноградова, С.И. Голубев, О.Л. Дубовик, Э.Н. Жевлаков, Н.А. Лопашенко, Ю.А. Тимошенко), преступлениях против мира и безопасности человечества (А.Г. Кибальник, А.Г. Князькина, Е.Н. Трикоз), преступлениях против общественной безопасности (Д.И. Тисленко, А.Е. Симонова). Аналогичная ситуация складывается в зарубежной библиографии, где особым образом следует отметить работы Р. Фальк (R. Falk), М.А. Грей (M.A. Gray), М. Кильберг (M. Kihlberg), Й. Лекандер (J. Lekander), Л. Минкова (L.G. Minkova), Р. Никсон (R. Nixon), Р. Перейра (R. Pereira), а также исследования в рамках деятельности фонда «Stop Ecocide International».

Несмотря на достигнутые успехи в правовом осмыслении экоцида, надо признать, что в российской науке комплексное исследование, объединяющее историко-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ экоцида с учётом новейших международно-правовых инициатив до настоящего времени не проводилось. Отсутствуют также научные разработки, посвящённые сравнительно-правовому анализу российского и европейского подходов к криминализации экоцида, а также криминологической характеристике личности преступника, совершающего экоцид, с учётом современных тенденций.

Указанное обстоятельство дополнительно актуализирует выбор темы исследования, определяет предметно-целевые параметры и основные направления ее научной разработки.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в процессе уголовно-правового и криминологического исследования и предупреждения актов экоцида.

Предметом диссертационного исследования выступают нормы международного, российского и зарубежного права, направленные на охрану окружающей среды от наиболее опасных посягательств, и практика их применения; доктринальные концепции ответственности за экоцид; а также криминологическая характеристика экоцида и меры его предупреждения.

Цель диссертационного исследования заключается в получении нового знания о социально-исторической, международно-правовой и криминологической обусловленности криминализации экоцида и теоретической разработке на этой основе перспективных направлений повышения эффективности уголовно-правовой нормы об ответственности за экоцид.

Достижению указанной цели способствует решение следующих **задач**:

1. Выявить место экоцида в системе экологических угроз, исследовать генезис понятий («экологическая катастрофа», «экологический кризис» и др.), соотнести экоцид со смежными понятиями («экологический терроризм», «экологический экстремизм», «биотерроризм») и определить его соотношение с экологическими правами человека (§ 1.1).

2. Проанализировать эволюцию международно-правовых основ криминализации экоцида, выделить ключевые этапы и охарактеризовать основные международные акты, повлиявшие на формирование данной нормы (§ 1.2).

3. Исследовать международно-правовые инициативы по признанию экоцида самостоятельным преступлением в рамках Международного уголовного суда (далее – МУС), включая проект поправки 2021 г., Политику Офиса Прокурора 2024/2025 гг., и оценить перспективы признания экоцида пятым международным преступлением (§ 1.3).

4. Охарактеризовать европейский подход к криминализации экоцида, выявить его достоинства и недостатки, проанализировав Директиву (ЕС) 2024/1203 и Конвенцию Совета Европы 2025 г. (§ 1.4).

5. Провести сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида, установив их сходства, различия и определив преимущества российской модели (§ 1.5).

6. Разработать методологические основы криминологической характеристики экоцида, обосновав возможность её построения в отсутствие официальной судебной и статистической практики (§ 2.1).

7. Выявить детерминанты экоцида, систематизировав их по группам (военно-политические, экономические, коррупционные и правовые факторы), и установить особенности формирования латентности этого преступления (§ 2.2).

8. Разработать криминологическую характеристику лица, совершающего экоцид, выделить основные типы (военно-политический руководитель, корпоративный менеджер, коррупционный посредник, транснациональный координатор) и проанализировать их мотивацию (§ 2.3).

9. Исследовать проблему латентности экоцида, обосновав различие между классической латентностью («медленное насилие» в мирное время) и феноменом «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности) в военное время (§ 2.4).

10. Проанализировать последствия экоцида, систематизировав их по уровням (экологическому, социальному, экономическому, политическому), и обосновать тезис о том, что политические последствия являются наиболее трудно обратимыми и системными (§ 2.5).

11. Определить трехуровневую структуру объекта экоцида (родовой — «мир и глобальная безопасность», видовой — «безопасность человечества», непосредственный — «экологическая безопасность»), а также уточнить предмет экоцида и обосновать предложения по его совершенствованию (§ 3.1).

12. Проанализировать объективную сторону экоцида, обосновать формальный характер его состава, выявить юридико-техническую некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе и аргументировать необходимость его замены на «загрязнение» (§ 3.2).

13. Исследовать субъект экоцида, обосновав вопреки доминирующей доктрине, что он является специальным, а не общим, а также определить признаки, характеризующие его служебное положение и профессиональные обязанности (§ 3.3).

14. Установить, что субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом, разрешить коллизию между определением прямого умысла и конструкцией формального состава, а также доказать предпочтительность российского подхода перед европейским (§ 3.4).

15. Выявить проблемы квалификации экоцида, обусловленные несовершенством законодательной конструкции ст. 358 УК РФ, и сформулировать научно обоснованные предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*) (§ 3.5).

Методологическую основу исследования составили категории и принципы диалектического познания социально-правовых явлений: историзм, причинность, объективность, закономерность, логическая определенность, единство теории и практики. На этой основе в работе реализован гносеологический потенциал общенаучных и частно-научных методов юридических исследований:

- системно-структурный метод использован в целях организованного представления основных элементов криминологической и уголовно-правовой характеристики экоцида, позволил исследовать нормы об ответственности за экоцид в качестве одного из элементов механизма уголовно-правового обеспечения экологической безопасности человечества;

- историко-правовой метод использован для познания проблем генезиса экологических угроз и эволюции правовых основ криминализации экоцида;

- сравнительно-правовой метод позволил провести сопоставительный анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида;

– логико-правовой метод стал основой для толкования правовых норм, выявления пробелов и коллизий в законодательной регламентации ответственности за экоцид;

– документальный метод использован для изучения материалов законотворческой и правоприменительной практики, отражающей результаты противодействия экоциду;

– статистический метод сводки и группировки данных позволил выявить и проанализировать основные тенденции динамики экологических угроз и последствий их реализации;

– контент-анализ доктринальных источников позволил систематизировать и типологизировать теоретические подходы к толкованию норм об ответственности за экоцид, выявить дискуссионные подходы к квалификации экоцида;

– метод теоретического моделирования применен в интересах разработки предложений по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*).

Теоретическую основу исследования составили труды ведущих российских и зарубежных учёных в области уголовного права, криминологии, международного права, экологического права, философии и социологии. В их числе работы М.И. Ашихмина, И.П. Блищенко, А.И. Бойко, Д.Ф. Васина, С.В. Векленко, М.И. Веревичева, Е.В. Виноградовой, А.Г. Волеводза, С.Г. Геворкян, И.С. Геворкян, С.И. Голубева, О.Ю. Греченковой, И.В. Дворянскова, А.И. Долговой, О.Л. Дубовик, А.Э. Жалинского, С.Н. Жарова, Е.В. Ивановой, Л.В. Иногамовой-Хегай, А.Г. Кибальника, В.Н. Кудрявцева, Н.Ф. Кузнецовой, Г.П. Лозовицкой, Н.А. Лопашенко, И.М. Мацкевича, И.П. Можаяевой, А.В. Наумова, В.П. Павлика, А.В. Петровского, В.И. Плоховой, М.Л. Прохоровой, Ю.Е. Пудовочкина, А.И. Рарога, И.Г. Соломоненко, Ю.А. Тимошенко, И.В. Тишутинной, А.Н. Трайнина, Е.Н. Трикоз, С.И. Улезько, Т.Я. Хабриевой, А.В. Федорова, Д.А. Шестакова, И.Р. Шикеры, А.В. Шмонина, а также зарубежных учёных – Р. Фалька (R. Falk), М.А. Грея (M.A. Gray), Р. Никсона (R. Nixon), Л.Г. Минковой (L.G. Minkova) и других.

Нормативно-правовую базу исследования составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права (в частности, отраженные в Конвенции о запрещении военного воздействия на природную среду 1976 г., Дополнительном протоколе I к Женевским конвенциям 1977 г. и др.), УК РФ, законодательство об охране окружающей среды. В сравнительно-правовом аспекте исследовалось законодательство ряда зарубежных государств

(Вьетнама, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Грузии, Украины, Молдовы, Армении, Беларуси, Франции, Бельгии, Чили). В качестве источника сравнительно-правового анализа использованы также международные правовые акты, не имеющие правовой силы для Российской Федерации (в частности, Римский статут МУС 1998 г., Конвенция Совета Европы о защите окружающей среды посредством уголовного права 2003 г. и др.).

Эмпирическую основу исследования составляют материалы уголовных дел, возбуждённых по ст. 358 УК РФ (Камчатка, 2001 г.; водная блокада Крыма, 2021 г.); документы, свидетельствующие об исторических актах экоцида (действия США во Вьетнаме в 1961–1971 гг., действия Ирака в Кувейте в 1990–1991 гг., массовая вырубка лесов Амазонии); официальные статистические данные Главного информационно-аналитического центра МВД России о регистрации экологических преступлений и сведения Судебного департамента при Верховном Суде России о судимости за экологические преступления; результаты изучения аналитических документов международных организаций (Организации Объединённых Наций (далее – ООН), ЮНЕП (United Nations Environment Programme), МУС, Европейской комиссии), отражающих проблемы защиты окружающей среды. Кроме того, в работе использован личный опыт практической деятельности автора в органах Министерства юстиции Российской Федерации, органах и организациях прокуратуры Российской Федерации.

Научная новизна исследования состоит в модернизации и содержательном развитии имеющихся знаний о социально-исторических, международно-правовых и криминологических основаниях криминализации экоцида, создающих в своей совокупности теоретическую основу для совершенствования российской нормативной модели противодействия этому преступлению. Приращение научного знания обеспечено за счет следующих новых результатов:

- дана сопоставительная оценка отечественной модели криминализации экоцида и европейской модели «криминализации экоцидных деяний без криминализации экоцида», обоснована целесообразность и перспективность российского подхода с его точечным совершенствованием;

- разработана криминологическая типология экоцида (военный и мирный), соотнесённая с системой его детерминант (военно-политические, экономические, коррупционные, правовые) и типами личности преступника (военно-политический руководитель, корпоративный менеджер, коррупционный посредник, транснациональный координатор);

– выявлен феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности) экоцида, совершаемого в условиях вооружённых конфликтов, который принципиально отличается от традиционной латентности «мирного» экоцида, объясняемой концепцией «медленного насилия» Р. Никсона;

– конкретизировано содержание трехуровневой структуры объекта экоцида (родовой – «мир и глобальная безопасность», видовой – «безопасность человечества», непосредственный – «экологическая безопасность») и обоснован многообъектный характер данного преступления, что позволило уточнить его место в системе Особенной части УК РФ и отграничить от смежных составов экологических преступлений;

—уточнено содержание объективных признаков состава экоцида; обоснована юридико-техническая некорректность термина «отравление» и необходимость его замены на «загрязнение»; признано, что одним из проявлений экоцида выступает загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, способное вызвать экологическую катастрофу;

– доказано, что субъект экоцида является специальным, а не общим; совершить экоцид невозможно без обладания властными полномочиями, доступом к значительным ресурсам и возможностью принимать решения на государственном или корпоративном уровне;

– развито представление о субъективных признаках экоцида за счет разрешения коллизии между законодательным определением прямого умысла, включающим психическое отношение к последствиям, и конструкцией формального состава экоцида, не предусматривающего последствий;

– разработана система теоретических аргументов в пользу совершенствования уголовного законодательства Российской Федерации, основные направления которого включают: разработку новой редакции ст. 358 УК РФ (с заменой «отравления» на «загрязнение», расширением предмета экоцида за счёт включения почвы, гидросферы и распространением признака способности вызвать экологическую катастрофу на загрязнение, а также включением признака специального субъекта в основной состав); дополнение ст. 358 УК РФ частью второй (квалифицированный состав – деяния, повлекшие экологическую катастрофу) и примечанием (легальное определение экологической катастрофы); дополнение ст. 25 УК РФ (уточнение умысла для формальных составов); включение ст. 358 УК РФ в перечень преступлений, предусмотренных примечанием к ст. 104.1 УК РФ; а также изменение структуры раздела XII УК РФ путём выделения в нём двух

глав: «Преступления против мира» и «Преступления против глобальной безопасности».

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Экологические права человека (на чистый воздух, воду, благоприятную среду) занимают подчинённое положение по отношению к личным и экономическим правам, что не соответствует их фундаментальной роли в обеспечении жизни. Данное несоответствие имеет прямое криминологическое значение: правовая неопределённость статуса экологических благ создаёт благоприятную среду для их безнаказанного уничтожения, а также является одной из детерминант экоцида как преступления против безопасности человечества. Криминологическая взаимосвязь экологических прав и экологических угроз проявляет себя в двух аспектах. С одной стороны, борьба за экологические права, осуществляемая в неправовых формах, может трансформироваться в преступления (экологический экстремизм, экологический терроризм). С другой стороны, любые преступления (не только экологические) могут повлечь за собой экологические последствия и, как следствие, нарушение экологических прав человека. В этой системе экологический компонент мотивации, содержания преступных действий и последствий остается явно недооцененным. Фундаментальное несоответствие между объективной ролью экологических прав в поддержании жизни на земле и их второстепенным местом в иерархии прав человека имеет прямое отношение к проблеме экоцида: правовая неопределённость статуса экологических благ создаёт благоприятную среду для их безнаказанного уничтожения, а также является одной из причин, препятствующих унификации международных стандартов противодействия экоциду.

2. Эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида прошла несколько этапов: от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. и Конвенции 1976 г. до Директивы (ЕС) 2024/1203 и Конвенции Совета Европы 2025 г. Россия, криминализовав экоцид одной из первых в мире (1996 г.), внесла значительный вклад в формирование международно-правовых основ противодействия этому преступлению. Однако до настоящего времени экоцид не признан самостоятельным международным преступлением, а его криминализация в международном праве остаётся фрагментарной.

3. Несмотря на многолетние усилия, экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным пятым международным преступлением в рамках Римского статута МУС. Принятая в 2025 г. Политика Офиса Прокурора, хотя и позволяет квалифицировать экологический ущерб как

преступление против человечности, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления, оставаясь в рамках существующих норм. Крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Римского статута, что делает перспективы включения экоцида в юрисдикцию МУС крайне неопределёнными, а совершенствование национального законодательства — приоритетным направлением противодействия экоциду.

4. В отсутствие универсальных международных стандартов криминализации экоцида, европейский подход к противодействию наиболее опасным экологическим преступлениям, реализованный в Директиве (ЕС) 2024/1203, представляет собой модель «криминализации экоцидных деяний без криминализации экоцида». Достоинствами модели являются: чёткие критерии квалификации; распространение действия нормы на мирное время; включение юридических лиц в круг субъектов; ориентация применяемых мер воздействия на восстановление окружающей среды. Недостатками выступают: отсутствие единого понятия экоцида, ведущее к фрагментации правоприменения, и нерешённость вопроса о квалификации экоцида как преступления против безопасности человечества. По своей сути европейская модель является временным компромиссным решением, не заменяющим полной международно-правовой криминализации экоцида.

5. Российская модель криминализации экоцида исходит из признания его самостоятельным преступлением против мира и безопасности человечества, которое не может быть поглощено системой экологических преступлений. Сравнительно-правовой анализ российского уголовного законодательства и европейских актов о «действиях, сопоставимых с экоцидом» позволяет установить принципиальные отличия между ними: по субъекту ответственности (европейские акты предусматривают ответственность юридических лиц, УК РФ – только физических); по форме вины (российский законодатель установил исключительно прямой умысел, европейский подход допускает «серьёзную неосторожность»); по критерию незаконности действий; по квалификации последствий; по применимым срокам давности привлечения к ответственности; по принципу универсальной или территориальной юрисдикции. Преимущества российского подхода предопределены нормативным закреплением статуса экоцида в качестве преступления против безопасности человечества.

6. Отсутствием статистически значимых эмпирических данных о совершенных преступлениях и привлечённых к ответственности лицах не является непреодолимым препятствием для построения криминологической теории экоцида. Однако криминологическая оценка экоцида, будучи итогом

теоретического моделирования, требует особого подхода к обоснованию надлежащей методологической рамки. Учитывая специфику экоцида, его криминологический анализ может быть эффективным в случае смещения исследовательских акцентов с политической характеристики на экологическую сущность преступления. В общем контексте экологической преступности, анализируемой с позиций концепции устойчивого развития, экоцид может быть описан как разрушение окружающей среды, которое выступает не побочным эффектом, а прямым следствием сознательных решений, продиктованных логикой военного или экономического противостояния, и для которого характерны неоднородность мотивации, высокая латентность, организованный характер, транснациональность, диффузность и отсроченность вреда.

7. Криминологическая детерминация экоцида может быть представлена в виде двухуровневой системы. На низовом уровне действуют обстоятельства, непосредственно продуцирующие акты экоцида. Это военно-политические факторы, которые создают условия для катастрофических экологических разрушений в период вооруженных конфликтов, и политико-экономические факторы, которые формируют системный фон многолетней деградации окружающей среды в мирное время. На втором уровне проявляется детерминирующее влияние факторов, обеспечивающих латентность и безнаказанность свершившихся актов экоцида. Среди них коррупционные факторы (лоббизм, попустительство контролирующих органов), которые обеспечивают среду безнаказанности, и правовые детерминанты (отсутствие универсальных конвенционных решений, содержательные и технические дефекты законов, отсутствие методик расследования и расчета ущерба), которые создают препятствия для правоприменения и формируют убеждение в безнаказанности.

8. Личность преступника, совершающего экоцид, характеризуется высоким социальным статусом, властными полномочиями и доступом к значительным ресурсам. Типология личности преступника коррелирует системе факторов детерминации экоцида и включает в себя три основных типа:

- военно-политический руководитель (мотивированный военно-политической целесообразностью, убежденный в том, что военная необходимость оправдывает любые средства достижения поставленных целей);
- корпоративный менеджер (бизнес-ориентированный тип, мотивированный максимизацией прибыли и минимизацией издержек, ориентированный на захват ресурсов). Разновидностью этого типа служит

транснациональный координатор, выстраивающий сложные международные цепочки для незаконной добычи ресурсов, их переработки, легализации и продажи;

– коррупционный посредник (является критически важным элементом системы, обеспечивающим безнаказанность экоцида, легитимизирующий преступную деятельность, движимый корыстным интересом и карьерным конформизмом).

9. Сфера совершения действий, составляющих экоцид, в единстве с данными о системе его детерминации и типологией личности виновного, позволяет выделить два типа экоцида: военный (тактика «выжженной земли», удары по инфраструктурным объектам) и мирный (экономический), детерминированный стремлением к максимизации прибыли, минимизации издержек и захвату ресурсов. Каждому из этих типов соответствует свой механизм формирования латентности. Для военного экоцида характерен феномен «политически мотивированной латентности» (псевдолатентности), когда разрушения очевидны, но наказание отсутствует в силу государственных иммунитетов и отсутствия политической воли. Латентность экономического экоцида объясняется концепцией «медленного насилия», доказывающей, что постепенное накопление растянутых во времени и пространстве последствий существенно затрудняет их осознание, а следовательно, и правовое реагирование.

10. Анализ последствий экоцида в контексте концепции устойчивого развития позволяет установить, что они носят системный, необратимый, трансграничный, кумулятивный и отсроченный характер, проявляясь на экологическом, социальном и экономическом уровнях, но не ограничиваясь этим. Наиболее трудно обратимыми выступают политические последствия: экоцид выступает катализатором государственной несостоятельности, триггером вооружённых конфликтов за ресурсы, инструментом ослабления суверенитета и фактором кризиса глобального управления. Экоцид способен активировать механизмы политической дестабилизации на локальном, региональном и глобальном уровнях, превращая экологическое преступление в экзистенциальную угрозу для государственного суверенитета и международного миропорядка.

11. Объект экоцида имеет трехуровневую структуру: родовой – «мир и глобальная безопасность», видовой – «безопасность человечества», непосредственный – «экологическая безопасность». Ключевое отличие экоцида от экологических преступлений состоит в качественной характеристике угрозы: экологические преступления посягают на экологическую безопасность как на условие благополучия

жизнедеятельности людей, тогда как экоцид – на экологическую безопасность в качестве условия выживания человечества. Многообъектный характер экоцида, с учетом содержания его социальных последствий, позволяет признать это преступление для целей уголовно-правового регулирования деятельностью, направленной против безопасности Российской Федерации, с соответствующей корректировкой первого примечания к ст. 104.1 УК РФ.

12. Преступление экоцида является сложным по конструкции объективной стороны. Во-первых, состав экоцида (ст. 358 УК РФ) является формальным и альтернативным: три его формы (массовое уничтожение растительного или животного мира, загрязнение атмосферы, гидросферы или почвы, иные действия) следует считать оконченными с момента совершения самих действий, независимо от фактического наступления экологической катастрофы. Во-вторых, экоцид может быть представлен не только как актовое, но и как продолжаемое преступление. Как единичное продолжаемое преступление экоцид может складываться, из тождественных преступных деяний, каждое из которых подпадает под признаки ст. 358 УК РФ; из экологических преступлений (например, предусмотренных ст. 250–252 УК РФ), в совокупности образующих экоцид; из различных комбинаций преступных и противоправных деяний, указанных в предыдущих случаях.

Нормативное описание объективных признаков состава экоцида обнаруживает ряд дефектов:

- перечень предметов экоцида является неполным (в законе не указаны, в частности, почва, микроорганизмы), отсутствует легальное определение «растительного мира», понятие «животный мир» необоснованно ограничено только дикой фауной, термин «водные ресурсы» сужен до поверхностных и подземных вод в водных объектах, в характеристике понятия «атмосферный воздух» имеется терминологическая рассогласованность уголовного и бланкетного законодательства;

- при описании действий использован термин «отравление» применительно к атмосфере и водным ресурсам, что является некорректным, поскольку в медицине, биологии и токсикологии он означает патологическое состояние живого организма;

- признак «способности вызвать экологическую катастрофу» характеризует только «иные действия», но не связан логически с посягательством на атмосферу и воздух, что затрудняет отграничение экоцида от смежных экологических преступлений;

– отсутствует дифференциация ответственности за экоцид в зависимости от факта наступления негативных экологических последствий, а равно определение понятия экологической катастрофы.

13. Вопреки доминирующему в доктрине мнению, признающему субъектом экоцида любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, объективные признаки преступления свидетельствуют о невозможности совершения экоцида рядовым гражданином. К числу специальных признаков субъекта экоцида следует относить служебное положение и профессиональные обязанности. Поскольку субъект экоцида является специальным, признак «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» подлежит включению в основной состав преступления.

14. Субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом. Ни косвенный умысел, ни тем более неосторожность, которые допускаются в европейской модели криминализации экоцидных преступлений, не соответствуют природе экоцида. Российский подход, закрепляющий прямую форму умысла, является предпочтительным, поскольку соответствует осознанному, целенаправленному характеру данного преступления, исключает произвольное толкование субъективной стороны и сохраняет высокий порог ответственности за экоцид как за наиболее опасное посягательство на окружающую среду и безопасность человечества. В преступлениях, для наличия которых не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию.

15. Юрико-техническое и содержательное устранение дефектов нормативного регулирования ответственности за экоцид способно составить значимое направление повышения эффективности уголовно-правового противодействия экоциду. Модель нормы об ответственности за экоцид может выглядеть следующим образом: «1. Массовое уничтожение растительного или животного мира, а равно загрязнение атмосферы, гидросферы, почвы или совершение иных действий при условии, что такие загрязнения и действия способны вызвать экологическую катастрофу, совершенное с использованием служебного положения и (или) профессиональных обязанностей, наказываются...; 2. То же деяние, повлекшее экологическую катастрофу, наказываются ... Примечание. Под экологической катастрофой в настоящей статье следует понимать экстремальную ситуацию антропогенной природы, влекущую за собой разрушение локальных экосистем либо их резкое и существенное негативное изменение».

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его положения и выводы вносят вклад в развитие науки уголовного права и криминологии. В работе, в частности: уточнено понятие экоцида и его место в системе угроз правам человека и глобальной безопасности, типологизированы модели криминализации экоцида, разработана авторская криминологическая характеристика экоцида, включающая его типологию, детерминанты, типологию личности преступника, системный анализ последствий и механизма формирования латентности, выявлены внутриотраслевые и межотраслевые противоречия в нормативном описании признаков экоцида. Сформулированные теоретические положения могут служить основой для дальнейших научных исследований в области противодействия как экологическим преступлениям, так и преступлениям против мира и безопасности человечества.

Практическая значимость исследования заключается в том, что сформулированные автором предложения по совершенствованию уголовного законодательства Российской Федерации (*de lege ferenda*) могут быть использованы в законотворческой деятельности. Выводы и рекомендации могут быть применены в правоприменительной практике при квалификации экоцида и смежных составов преступлений. Материалы диссертации могут быть использованы в учебном процессе при преподавании курсов «Уголовное право», «Криминология», «Международное уголовное право», «Экология», а также при подготовке учебных и учебно-методических пособий.

Достоверность и обоснованность результатов исследования обеспечиваются комплексным использованием методов научного познания, анализом широкого круга нормативных правовых актов (международных договоров, российского и зарубежного законодательства), изучением доктринальных источников, эмпирической базы, исторических примеров актов экоцида и данных международных организаций.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные результаты диссертационного исследования представлены автором в докладах на 18-ти международных и всероссийских научно-практических конференциях, проходивших в Дальневосточном федеральном университете (2021–2024 гг.), Дальневосточном юридическом институте Университета прокуратуры Российской Федерации (2024–2025 гг.), Восточно-Сибирском филиале Российского государственного университета правосудия им. В.М. Лебедева (2025 г.), Уральском государственном юридическом университете им. В.Ф. Яковлева (2025 г.), Костромском государственном университете (2025 г.), Восточно-Сибирском институте МВД России (2025 г.),

Волгоградской академии МВД России (2025 г.), Байкальском государственном университете (2025–2026 гг.), Санкт-Петербургской академии Следственного комитета Российской Федерации (2025 г.), Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (2026 г.), а также на Дальневосточном историко-архивном форуме (Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, 2026 г.).

Результаты исследования внедрены в практическую деятельность Главного управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Северо-Кавказскому и Южному федеральным округам, Управления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по Дальневосточному федеральному округу, прокуратур Магаданской и Ростовской областей, Кемеровской области – Кузбасса, города Санкт-Петербурга.

Также результаты диссертационного исследования используются в научном и учебном процессе Дальневосточного юридического института (филиала) ФГКОУ ВО «Университет прокуратуры Российской Федерации», Юридической школы ФГАОУ ВО «Дальневосточного федерального университета», Владивостокского филиала ФГКОУ ВО «Дальневосточный юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации» имени И.Ф. Шилова», ФГБОУ ВО «Морской государственный университет имени адмирала Г.И. Невельского», АНО ВО «Российский новый университет», АНО ВО «Российский университет адвокатуры и нотариата имени Г.Б. Мирзоева».

Результаты исследования прошли апробацию. Основные положения и выводы освещались в 18 научных статьях, в том числе в 6 научных статьях в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Структура диссертации обусловлена целями и задачами исследования и состоит из введения, трёх глав, включающих 15 параграфов, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ.

Во введении обосновывается актуальность темы, характеризуется степень научной разработанности, определяются объект, предмет, цель и задачи, методологическая, теоретическая, нормативная и эмпирическая основы, раскрывается научная новизна, формулируются основные положения на защиту, приводятся сведения о теоретической и практической значимости, достоверности, апробации и структуре работы.

Первая глава «Историко-правовые и криминологические основы формирования ответственности за экоцид» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе «Экологические угрозы в системе прав человека: генезис понятий и место экоцида» исследуются генезис ключевых понятий экологической безопасности и место экоцида в системе прав человека. Показано, что осознание зависимости человека от природы сформировалось ещё в античности, однако правовые механизмы охраны окружающей среды возникли лишь в XIX–XX веках под влиянием реальных экологических катастроф. Указывается, что в российском законодательстве до сих пор отсутствует легальное определение таких ключевых понятий, как «экологическая катастрофа» и «чрезвычайная экологическая ситуация», что создаёт терминологическую неопределённость и серьёзно затрудняет правоприменение. Обосновывается, что биологические и экологические права человека (право дышать, право на воду, право на благоприятную среду) занимают подчинённое положение по отношению к личным и экономическим правам, что не соответствует их фундаментальной роли в обеспечении жизни и требует законодательного пересмотра. Соотношение экологических прав и экологических угроз обнаруживает двустороннюю связь: борьба за экологические права может приобретать формы правонарушений (экологический экстремизм, терроризм), а любые иные правонарушения способны повлечь экологические последствия и нарушение экологических прав. В этой системе экоцид занимает особое место: в отличие от всех остальных деяний, он посягает не на отдельные компоненты окружающей среды, а на безопасность человечества, совершается специальным субъектом (властные лица), отличается трансграничным и необратимым масштабом последствий, а также специальной целью – массовым уничтожением природы.

Во втором параграфе «Эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида» исследуется эволюция международно-правовых основ криминализации экоцида. Показано, что формирование корпуса правовых норм об экоциде началось как результат осознания государствами необходимости защиты окружающей природной среды в периоды войн и вооружённых конфликтов: начало было положено принятием Конвенции о запрещении военного или любого иного враждебного использования средств воздействия на природную среду (1976 г.) и Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям (1977 г.), которые установили запрет на применение средств и методов ведения войны, способных причинить обширный, долговременный и серьёзный ущерб природной среде. Однако эти акты не ввели понятия «экоцид» и не установили самостоятельной уголовной

ответственности за его совершение, ограничившись декларативными запретами. Реальные шаги по криминализации экоцида были предприняты лишь на национальном уровне некоторых стран: Социалистической Республикой Вьетнам (1990 г.) и девятью государствами постсоветского пространства – Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Грузией, Украиной, Молдовой, Арменией и Беларусью, которые включили экоцид в свои уголовные кодексы.

Особо подчёркивается, что Россия, криминализовав экоцид одной из первых в мире (1996 г.) и активно участвуя в разработке ключевых международных соглашений (от Гаагских конвенций 1899 и 1907 гг. до Римского статута МУС) внесла значительный вклад в формирование международно-правовых основ противодействия этому преступлению. Проведенный анализ Римского статута МУС показал, что, несмотря на включение в него ответственности за ущерб окружающей среде как составной части военных преступлений (ст. 8(2)(b)(iv)), экоцид не признан самостоятельным международным преступлением.

В третьем параграфе «Международно-правовые инициативы по признанию экоцида преступлением в рамках МУС: история, современное состояние и перспективы» анализируются международно-правовые инициативы по признанию экоцида самостоятельным преступлением в рамках МУС. Отмечается, что Римский статут, принятый в 1998 году, стал важным этапом в развитии международного уголовного правосудия, впервые закрепив на наднациональном уровне ответственность за причинение обширного, долгосрочного и серьёзного ущерба окружающей природной среде в период вооружённых конфликтов. Однако экоцид до настоящего времени не признан самостоятельным международным преступлением, а ущерб окружающей среде рассматривается лишь как квалифицирующий признак военного преступления, что существенно сужает возможности привлечения к ответственности. Юрисдикция МУС ограничена четырьмя составами (геноцид, преступления против человечности, военные преступления, агрессия), распространяется исключительно на физических лиц и только на международные вооружённые конфликты. При этом крупнейшие мировые державы (Россия, США, Китай, Индия) не являются участниками Римского статута, что делает его применение ограниченным. Россия, подписавшая Статут в 2000 году и активно участвовавшая в его разработке, впоследствии отказалась от его ратификации, а в 2016 году заявила о нежелании становиться участником МУС, поскольку суд не оправдал возложенных на него надежд и не стал подлинно независимым, авторитетным органом международного правосудия.

Рассмотрены многолетние дискуссии и инициативы по включению экоцида в юрисдикцию Суда. В том числе выявлено, что принятая в 2025 году Политика Офиса Прокурора, хотя и содержит положения о возможности квалификации экологического ущерба как преступления против человечности, сознательно дистанцируется от создания нового состава преступления, оставаясь в рамках существующих норм.

В четвёртом параграфе «Европейский подход к криминализации экоцида: история и современное состояние» исследуется принципиально иной вектор развития ответственности за наиболее опасные экологические преступления, сформировавшийся на европейском континенте. Установлено, что в отличие от глобальных инициатив в рамках Римского статута, ориентированных на создание наднационального механизма уголовного преследования за деяния, совершённые в период международных вооружённых конфликтов, европейская модель избрала путь гармонизации национальных правовых систем государств-членов через выработку единых стандартов и обязательных требований, подлежащих имплементации в национальное законодательство. Отмечается, что первая попытка установления наднациональной уголовной ответственности – Конвенция Совета Европы 1998 г. – хотя и не вступила в силу, заложила революционные для своего времени идеи: признала, что тяжкий вред окружающей среде может быть причинён не только в военное, но и в мирное время; включила в круг субъектов уголовной ответственности юридических лиц; впервые предложила в качестве санкций мероприятия по восстановлению окружающей среды.

Центральное место в параграфе занимает анализ Директивы (ЕС) 2024/1203, которая признана международным актом, в наибольшей степени приблизившимся к законодательному определению понятия экоцида. Однако Директива не ввела самого термина, ограничившись понятием «действий, сопоставимых с экоцидом», и установила критерии для признания таких действий «квалифицированными преступлениями». Раскрываются достоинства и недостатки европейской модели: с одной стороны, чёткие критерии квалификации, распространение действия на мирное время, ответственность юридических лиц и ориентация на восстановление окружающей среды; с другой – отсутствие единого понятия экоцида, зависимость от имплементации норм в национальные законодательства и нерешённость вопроса о квалификации экоцида как преступления против безопасности человечества.

В пятом параграфе «Сравнительно-правовой анализ российского и европейского подходов к криминализации экоцида» проводится

сопоставительное исследование двух моделей противодействия наиболее опасным экологическим посягательствам: российской и европейской. Установлено, что европейское право пошло по пути «практической криминализации» экоцида без введения самого термина: Директива (ЕС) 2024/1203 ввела понятие «действия, сопоставимые с экоцидом» и «квалифицированные уголовные преступления», но не установила уголовной ответственности за экоцид, отнеся этот вопрос к компетенции стран-участниц. Россия значительно опередила международное право, включив в свой уголовный кодекс ответственность за экоцид как за самостоятельное преступление против мира и безопасности человечества с формальным составом, не имеющим связи с вооружёнными конфликтами.

Российский и европейский подходы принципиально расходятся по вопросам уголовной ответственности юридических лиц (допускается в европейских актах, но исключена в УК РФ), форм вины (российский законодатель установил исключительно прямой умысел, европейский подход допускает «серьёзную неосторожность»), оценки законности действий ((европейское право требует установления незаконности деяния, тогда как в российском праве любые действия, подпадающие под признаки ст. 358 УК РФ, признаются уголовно наказуемыми вне зависимости от их формальной законности или незаконности), детализации критериев ущерба (Директива ЕС оперирует развёрнутыми, измеримыми признаками: «широкомасштабный и существенный ущерб, который является необратимым или долговременным», тогда как ст. 358 УК РФ использует более общие формулировки, не ограничивающие оценку последствий заранее заданными рамками), перечня наказаний (европейские акты включают наряду с лишением свободы широкий спектр мер восстановительного характера, дисквалификацию, отзыв разрешений, обязательство по внедрению систем должной осмотрительности; в российском праве наказание исчерпывается лишением свободы, а восстановительные меры могут быть применены в гражданско-правовом порядке) и сроков давности привлечения к ответственности (в УК РФ экоцид отнесён к преступлениям, к которым сроки давности не применяются, тогда как Директива ЕС 2024/1203 ограничивает их десятью годами).

Вторая глава «Криминологическая характеристика экоцида» включает пять параграфов.

В первом параграфе второй главы «Методологические основы криминологической характеристики экоцида» обосновывается принципиальная возможность построения полноценной криминологической характеристики деяния, несмотря на отсутствие официальной судебной

статистики и практики привлечения к ответственности по ст. 358 УК РФ. Показано, что эмпирическую базу исследования в такой ситуации составляют исторические примеры актов экоцида (действия США во Вьетнаме, Ирака в Кувейте, массовая вырубка лесов Амазонии), материалы немногочисленных уголовных дел, а также доктринальные источники. Опираясь на анализ современного состояния экологической преступности, автор выявляет её ключевые криминологические признаки: чрезвычайно высокую латентность (95–99 %), доминирование корпоративного и организованного характера, неразрывную связь с коррупцией и «беловоротничковой» преступностью, транснациональность, а также диффузность и отсроченность вреда. Подчёркивается, что выявленная раздробленность уголовно-правовой охраны окружающей среды и комплексный характер экологических преступлений позволяют поставить вопрос о месте экоцида в системе экологической преступности. С одной стороны, его криминологический анализ невозможен без учёта общего контекста экопреступности, с другой – экоцид не может быть полностью поглощён системой экологических преступлений (глава 26 УК РФ), поскольку его родовым объектом выступают мир и безопасность человечества, а не только окружающая среда. Обосновано, что наиболее релевантным теоретическим методом для анализа экоцида выступает концепция устойчивого развития, позволяющая учитывать долгосрочные последствия для будущих поколений и оценивать ущерб в экологическом, экономическом и социальном измерениях.

Во втором параграфе «Детерминанты экоцида: военно-политические, экономические, коррупционные и правовые факторы» исследуется комплекс причин и условий, порождающих данное преступление. По сфере совершения экоцид подразделяется на два типа: военный (тактика «выжженной земли», удары по инфраструктурным объектам, применение экологического оружия) и мирный, или экономический, детерминированный стремлением к максимизации прибыли, минимизации издержек и захвату ресурсов. Выявлено, что детерминанты экоцида образуют сложную систему, включающую три группы взаимосвязанных факторов и самостоятельные правовые проблемы. Военно-политические факторы создают условия для катастрофических экологических разрушений в период вооружённых конфликтов; экономические факторы, проявляющиеся в таких явлениях, как «расовый капитализм» и «мусорный колониализм», формируют системный фон многолетней экологической деградации в мирное время. Коррупционные факторы (лоббизм добывающих корпораций, попустительство контролирующих органов) обеспечивают среду безнаказанности. Правовые детерминанты (отсутствие легальных определений понятий «массовость»,

«экологическая катастрофа», «иные действия», а также методик расследования и расчёта ущерба) создают серьёзные препятствия для правоприменения и формируют у потенциальных нарушителей убеждение в безнаказанности. Особое внимание уделено различию в формировании латентности: если для «мирного» экоцида характерна классическая латентность, обусловленная отсроченностью и сложностью выявления вреда, то для военного экоцида обосновывается существование особой формы – «сознательной», или «политически мотивированной», латентности, при которой масштабные экологические разрушения очевидны, однако правовая реакция отсутствует из-за юрисдикционного иммунитета лиц, принимающих решения, отсутствия политической воли и неэффективности международных механизмов. В параграфе проанализирован комплекс проблем, с которыми сталкивается расследование экоцида: масштабность, временной разрыв между деянием и последствиями, трансграничность ущерба, множественность субъектов, сложность доказывания умысла, отсутствие специальных методик и необходимость проведения дорогостоящих междисциплинарных экспертиз.

В третьем параграфе «Криминологическая характеристика лица, совершающего экоцид» исследуется личность преступника, посягающего на мир и безопасность человечества путём масштабного разрушения окружающей среды. Вопреки доминирующему в уголовно-правовой доктрине подходу, рассматривающему субъекта экоцида как любое вменяемое физическое лицо, достигшее 16 лет, криминологический анализ убедительно свидетельствует, что реальный субъект экоцида – это не маргинал и не случайный правонарушитель, а лицо, характеризующееся высоким социальным статусом, наличием властных полномочий, доступом к значительным ресурсам и возможностью принимать судьбоносные решения на государственном или корпоративном уровне. На основе обобщения исторического материала и современных тенденций выделены четыре устойчивых типа личности, чьи действия могут быть квалифицированы как экоцид: военно-политический руководитель (главы государств, высшее военное командование), корпоративный менеджер (бизнес-ориентированный тип), коррупционный посредник (должностное лицо) и транснациональный координатор. Каждый из этих типов обладает специфической мотивацией, социально-демографическими характеристиками и способами совершения преступления.

В цепочке, ведущей к экоциду, выделены три уровня субъектов: непосредственные исполнители, действующие в рамках служебных обязанностей; организаторы среднего звена, обеспечивающие реализацию

преступных решений; и лица, принимающие решения – высшее руководство, несущее основную ответственность за экоцид, даже если их непосредственный контакт с совершаемыми действиями минимален. Отмечается, что индивидуальная ответственность в таких структурах оказывается «размытой», что создаёт серьёзные препятствия для доказывания. Анализ мотивационной сферы позволил выделить четыре основные группы мотивов: военно-политическую целесообразность (для военного типа), максимизацию прибыли (для корпоративного типа), карьерные интересы и конформизм (для должностных лиц и военных), а также идеологические установки (технократизм, национальное превосходство). Показано, что ключевую роль в психологическом механизме совершения экоцида играют техники нейтрализации (отрицание ответственности, отрицание вреда, апелляция к высшим лояльностям), позволяющие преступникам сохранять позитивную самооценку.

В четвёртом параграфе «Латентность экоцида и феномен «медленного насилия»» исследуется одна из наиболее острых криминологических проблем – высочайшая латентность экоцида, приобретающая гипертрофированные формы и превращающаяся в практически непреодолимое препятствие для правоприменителя. Установлено, что латентность экоцида имеет сложную многоуровневую природу и обусловлена тремя ключевыми факторами: отсроченным и диффузным характером вреда, при котором последствия проявляются спустя годы и даже десятилетия после совершения деяния; особым субъектным составом, поскольку акты экоцида совершаются лицами, обладающими властными полномочиями и иммунитетами; а также совершением значительной части деяний в условиях вооружённых конфликтов, что объективно осложняет расследование и привлечение виновных к ответственности.

Особое внимание уделяется разграничению двух принципиально различных механизмов формирования латентности. Для «мирного» экоцида, развивающегося постепенно и незаметно, привлекается концепция «медленного насилия» (slow violence) Роба Никсона, объясняющая криминологическую невидимость подобных деяний: в отличие от быстрых, зрелищных катастроф, последствия «медленного насилия» накапливаются постепенно, растянуты во времени и пространстве, что затрудняет их осознание как насилия и, соответственно, правовое реагирование на них. Для военного же экоцида обосновывается существование особого феномена — «политически мотивированной латентности», или псевдолатентности, когда масштабные экологические разрушения носят очевидный, немедленно

фиксируемый характер, однако правовая реакция на них полностью отсутствует не в силу объективной сложности доказывания, а из-за юрисдикционных иммунитетов лиц, принимающих решения, отсутствия политической воли и неэффективности международных механизмов привлечения к ответственности. Показано, что необходимым условием для беспрепятственного длительного существования «медленного насилия» выступает коррупционная институциональная среда – система устойчивых связей между бизнесом и контролирующими органами, обеспечивающая безнаказанность длящегося десятилетиями экологического вреда.

В пятом параграфе «Последствия экоцида: экологические, социальные, экономические и политические аспекты» проводится комплексный анализ многоуровневых разрушительных эффектов, порождаемых данным преступлением. Показано, что последствия экоцида не ограничиваются экологическим вредом, а представляют собой сложный комплекс взаимосвязанных эффектов, охватывающих экологическую, социальную, экономическую и политическую сферы. В отличие от традиционных преступлений, вред от экоцида носит не локальный и обратимый, а системный, кумулятивный и зачастую невосполнимый характер, что принципиально отличает его от «обычных» экологических преступлений.

Экологические последствия характеризуются необратимостью или крайней трудновосстановимостью, особенно при достижении экосистемой «точки невозврата». Показано, что экологический вред закономерно трансформируется в социальную катастрофу, выражающуюся в массовых заболеваниях населения, включая генетические нарушения у будущих поколений, вынужденной миграции и уничтожении традиционного уклада коренных народов, для которых природа является основой культурной идентичности. Экономические последствия проявляются в колоссальной диспропорции между финансированием разрушения природы и её восстановлением, а также в многократном превышении затрат на ликвидацию последствий над экономической выгодой от деятельности, приведшей к экоциду. Особо подчёркивается, что экологические издержки перекладываются с корпораций на общество, а экоцид делает невозможным устойчивое развитие: разрушенные экосистемы и исчерпанные ресурсы перечёркивают будущее территорий на годы вперёд.

Сохраняющаяся зона «экологической безнаказанности» в международном праве превращает экоцид не только в юридический, но и в политический инструмент давления и неоколониализма, подрывая саму возможность справедливого и устойчивого миропорядка.

Третья глава «Уголовно-правовая характеристика экоцида» состоит из пяти параграфов.

В первом параграфе третьей главы «Объект и предмет экоцида в уголовном праве России» на основе критического анализа доктринальных позиций и нормативных актов определяется сложная, многоуровневая структура объекта данного преступления. Обосновано, что родовым объектом экоцида выступает «мир и глобальная безопасность», видовым – «безопасность человечества», непосредственным – «экологическая безопасность».

Экоцид признаётся многообъектным преступлением, в котором все непосредственные объекты, кроме основного (экологическая безопасность), имеют статус дополнительных (жизнь, здоровье, собственность и др.), а факультативные объекты отсутствуют; игнорирование же многообъектности экоцида ведёт к недопустимому обесцениванию жизни и здоровья человека как самостоятельных благ, терпящих ущерб. В части предмета преступления выявлено, что существующий перечень не является исчерпывающим и требует расширительного толкования. Отмечается несовершенство законодательных дефиниций: отсутствует легальное определение «растительного мира», понятие «животный мир» необоснованно ограничено только дикой фауной, термин «водные ресурсы» сужен до поверхностных и подземных вод в водных объектах. Предложено расширить предмет экоцида за счёт включения в него почвы, микроорганизмов, грибов и иных организмов, а также заменить понятие «водные ресурсы» на «гидросферу», что в большей степени соответствует современным естественно-научным подходам и международно-правовым стандартам. Установлено, что исключение экоцида из перечня преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации (примечание к ст. 104.1 УК РФ), является законодательной ошибкой, противоречащей родовому, видовому и непосредственному объектам данного посягательства.

Во втором параграфе третьей главы «Объективная сторона экоцида: проблемы квалификации и обоснование замены «отравления» на «загрязнение»» анализируется внешняя сторона преступного посягательства. Обосновано, что состав экоцида является формальным: все три альтернативные формы деяния, предусмотренные ст. 358 УК РФ (массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов и совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу) следует считать оконченными с момента совершения самих действий, а не с наступления последствий. Экологическая катастрофа не является обязательным последствием экоцида, а выступает

лишь возможным результатом «иных действий», что вытекает из языкового толкования уголовного закона и употребления союза «а также».

Аргументирована юридико-техническая некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе: в медицине, биологии и токсикологии он означает патологическое состояние живого организма, тогда как в ст. 358 УК РФ используется применительно к атмосфере и водным ресурсам. На основе анализа судебной практики и законодательства предложено заменить «отравление» на «загрязнение», а также распространить признак «способности вызвать экологическую катастрофу» не только на «иные действия», но и на загрязнение, что позволит отграничить экоцид от смежных экологических преступлений. Установлено, что оценочность понятий «массовость» и «экологическая катастрофа» неустранима, однако преодолима с помощью комплексных экспертиз, привлечения специалистов-экологов и профессионального правосознания следователей и судей.

Выявлен пробел в виде отсутствия квалифицированного состава экоцида, в связи с чем предлагается дополнить статью частью второй: «Те же деяния, повлекшие экологическую катастрофу». Кроме того, обоснована возможность совершения экоцида как продолжаемого преступления, складывающегося из тождественных преступных деяний, экологических преступлений (ст. 250–252 УК РФ) или их комбинаций.

В третьем параграфе третьей главы «Субъект экоцида и его признаки в уголовном праве России» исследуется вопрос о том, кто может выступать субъектом данного преступления. Вопреки доминирующему в доктрине мнению, рассматривающему субъекта экоцида как общее физическое вменяемое лицо, достигшее 16 лет, на основе анализа объективных признаков состава, исторических примеров и современной криминологической реальности доказывается, что субъект экоцида является специальным. Совершить экоцид невозможно без обладания властными полномочиями, доступа к значительным ресурсам и возможности принимать решения на государственном или корпоративном уровне. Аргументировано, что государство и юридические лица не могут выступать субъектами уголовной ответственности в российском праве в силу прямого указания в ст. 19 УК РФ и принципа личной виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). К числу специальных признаков субъекта экоцида отнесены служебное положение и профессиональные обязанности. Рассмотрены обстоятельства, исключающие преступность деяния применительно к экоциду и признано, что к экоциду может быть применено только исполнение приказа (ст. 42 УК РФ) и лишь в части обязательного приказа, незаконность которого не

осознавалась исполнителем. Поскольку субъект экоцида является специальным, обоснована необходимость включения признака «использование служебного положения и (или) профессиональных обязанностей» в основной состав (ч. 1 ст. 358 УК РФ), а не в квалифицированный. Предложена соответствующая редакция статьи.

В четвёртом параграфе третьей главы «Субъективная сторона экоцида и проблемы её квалификации в правоприменении» исследуется психическое отношение виновного к совершаемому деянию. Установлено, что субъективная сторона экоцида характеризуется исключительно прямым умыслом: лицо осознаёт общественную опасность своих действий и желает их совершить. Последовательно опровергаются как возможность совершения экоцида по неосторожности, так и возможность косвенного умысла, не совместимого с формальной конструкцией состава. Выявлена коллизия между законодательным определением прямого умысла в ст. 25 УК РФ, включающим психическое отношение к последствиям, и конструкцией формального состава экоцида, не предусматривающего последствий. Для её разрешения предлагается, опираясь на положительный опыт Республики Беларусь, дополнить ст. 25 УК РФ положением о том, что в преступлениях, для наличия которых не требуется наступления общественно опасных последствий, прямой умысел устанавливается по отношению лица к общественно опасному деянию.

Проведён сравнительный анализ подходов к форме вины в международных актах: Римский статут требует прямого умысла и достоверного знания о неизбежности обширного, долгосрочного и серьёзного ущерба, что создаёт практически невыполнимые требования к доказыванию; Директива (ЕС) 2024/1203, напротив, допускает ответственность за «действия, сопоставимые с экоцидом» не только при умысле, но и при «серьёзной неосторожности», что существенно снижает порог доказывания, однако размывает границы между умыслом и неосторожностью и противоречит принципу виновной ответственности (ст. 5 УК РФ). Российский подход, требующий доказывания прямого умысла, признан предпочтительным, поскольку он в наибольшей степени соответствует осознанному, целенаправленному характеру экоцида как преступления против безопасности человечества, позволяет адекватно оценивать степень вины лиц, принимающих решения, и ограничивать экоцид от неосторожных экологических преступлений, исключая произвольное толкование форм вины и сохраняя высокий порог ответственности за наиболее опасные посягательства на окружающую среду.

В пятом параграфе третьей главы «Проблемы квалификации экоцида и совершенствования законодательства» систематизированы основные дефекты действующей редакции ст. 358 УК РФ и сформулированы научно обоснованные предложения по их устранению. Выявлен комплекс проблем, препятствующих эффективному правоприменению: оценочность ключевых понятий («массовое уничтожение», «экологическая катастрофа», «иные действия»), некорректность термина «отравление» применительно к неживой природе, отсутствие квалифицированного состава и, как следствие, дифференциации ответственности, несовершенство определения предмета экоцида, коллизия между законодательным определением прямого умысла и конструкцией формального состава, отсутствие экоцида в перечне преступлений, направленных против безопасности Российской Федерации (примечание к ст. 104.1 УК РФ), а также пробелы в методическом обеспечении расследования и расчёта ущерба. Для преодоления указанных проблем предлагается комплекс изменений уголовного законодательства (*de lege ferenda*), центральное место в котором занимает новая редакция ст. 358 УК РФ, предусматривающая: замену термина «отравление» на «загрязнение», расширение предмета преступления за счёт включения гидросферы и почвы, распространение признака «способности вызвать экологическую катастрофу» на загрязнение, включение признака специального субъекта в основной состав, а также введение квалифицированного состава (деяния, повлекшие экологическую катастрофу) и легального определения экологической катастрофы в примечании к статье 358 УК РФ. Дополнительно обосновывается необходимость уточнения ст. 25 УК РФ для формальных составов (по опыту Республики Беларусь), включения ст. 358 в примечание к ст. 104.1 УК РФ и изменения структуры раздела XII УК РФ путём выделения в нём двух глав: «Преступления против мира» и «Преступления против глобальной безопасности». Помимо законодательных мер, обоснована потребность в разработке методики расследования экоцида, адаптированной к его масштабному, трансграничному и отсроченному характеру, методики расчёта ущерба, учитывающей системный характер последствий, а также в развитии международного сотрудничества по противодействию данному преступлению.

В заключении подводятся итоги исследования и формулируются его основные выводы, а также предложения для теории и практики.

Основные положения диссертации отражены в следующих научных работах, общим объемом 7,9 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, включенных ВАК при Министерства науки и высшего образования РФ

в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук:

1. Углова Е.А. Имплементация международно-правовых норм об ответственности за экоцид в российском уголовном праве // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2024. Т. 26. № 3. С. 182-194. (0,77 п. л.)
2. Углова Е.А. Пробелы и коллизии российского законодательства при определении предмета экоцида // Право и государство: теория и практика. 2025. № 5. С. 610-613. (0,70 п. л.)
3. Углова Е.А. Анализ объективной стороны экоцида: проблемы квалификации и пути совершенствования // Евразийский юридический журнал. 2025. № 11 (210). С. 370-372. (0,70 п. л.)
4. Углова Е.А. Экологическая катастрофа как признак объективной стороны экоцида: анализ и перспективы определения // Право и государство: теория и практика. 2025. № 12. С. 805-808. (0,56 п. л.)
5. Углова Е.А. Криминализация экоцида в деятельности Международного уголовного суда: история, современное состояние и перспективы // Вопросы российского и международного права. – 2026. – Т. 16, № 2А. – С. 700–709. (0,95 п. л.)
6. Углова Е.А. Субъективная сторона экоцида: в защиту прямого умысла // Право и государство: теория и практика. 2026. № 3. С. 423-425. (0,40 п. л.).

Публикации в иных изданиях:

7. Углова Е.А. Экоцид: проблемы определения правовой природы // XII Дагелевские чтения. Уголовное право в поисках ответов на вызовы XXI века. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Владивосток, 2022. С. 147-151. (0,35 п. л.)
8. Углова Е.А. Развитие идеи об ответственности за экоцид // XIII Дагелевские чтения. Уголовное право: от Русской Правды до наших дней. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2023. С. 116-121. (0,30 п. л.)
9. Углова Е.А. Угрозы окружающей среде: общие подходы к пониманию // Поворот на Восток: тенденции изменения институтов права и государства в эпоху глобализации и цифровизации. Материалы VII Тихоокеанского юридического форума. Владивосток, 2023. С. 202-205. (0,20 п. л.)
10. Углова Е.А. К вопросу о нормативно-правовом определении угроз окружающей среде // XIV Дагелевские научные чтения. Уголовно-

правовая политика современной России: векторы развития. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2024. С. 155-157. (0,20 п. л.)

11. Углова Е.А. Критерии оценки массового уничтожения растительного и животного мира в контексте экоцида // I Восточно-Сибирский юридический форум. Сборник материалов XXX международной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 106-110. (0,30 п. л.)

12. Углова Е.А. Проблемы в определении предмета экоцида в законодательстве Российской Федерации // Понятийно-категориальный аппарат наук уголовно-правового цикла. Материалы II Международной научно-практической конференции. Екатеринбург, 2025. С. 121-130. (0,40 п. л.)

13. Углова Е.А. Неочевидные проблемы характеристики субъекта преступления, подлежащего привлечению к ответственности за совершение экоцида // XV Дагелевские научные чтения. Уголовная политика России: истоки, тенденции, перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2025. С. 134-138. (0,25 п. л.)

14. Углова Е.А. Обстоятельства, исключающие преступность деяния при совершении экоцида // Роль юридических и социальных наук в развитии современного общества. Сборник статей по материалам III Всероссийской научно-практической конференции. Владивосток, 2025. С. 143-147. (0,37 п. л.)

15. Углова Е.А. Растительный мир: проблемы определения в контексте экоцида и экологических преступлений // Проблемы правоохранительной деятельности на современном этапе. Сборник трудов IV Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции. Кострома, 2025. С. 161-167. (0,40 п. л.)

16. Углова Е.А. Проблемы определения объекта экоцида в уголовном праве России // Актуальные проблемы обеспечения национальной безопасности. Материалы IV Международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2025. С. 263-268. (0,40 п. л.)

17. Углова Е.А. Экология и право: исторический путь от античных идей к международному регулированию // Трансформация публично-правовых институтов в современной России. Материалы Международной научно-практической конференции в рамках 4-го Байкальского юридического форума. Иркутск, 2025. С. 269-274. (0,37 п. л.)

18. Углова Е.А. Экоцид: характеристика специального субъекта // Охрана природно-заповедного фонда и экологическая безопасность России. Сборник докладов II Ежегодной национальной научно-практической конференции. Иркутск, 2025. С. 76-78. (0,28 п.л.)